

Римвидас Петраускас
Вильнюс

МЕЖДУ ВИЛЬНЮСОМ И КИЕВОМ: ЛИТОВСКИЕ ВЕЛЬМОЖИ ВО ГЛАВЕ КИЕВСКОГО ВОЕВОДСТВА В XV – НАЧАЛЕ XVI вв.

Стаття присвячена вивченню соціального контексту призначень на посаду і правління київських намісників/воєвод другої половини XV – початку XVI ст.: мотиви призначення, керуючись якими підбиралися кандидати на посаду, походження воєвод, їх родинні зв'язки, характер правління в Києві, особисті контакти у середині Київської землі та у сусідніх українських землях.

Ключові слова: Київ, воєводи, намісники, управління.

Статья посвящена изучению социального контекста назначений на должность и правления киевских наместников/воевод второй половины XV – начала XVI вв.: мотивы назначения, руководствуясь которыми подбирались кандидаты на должность, происхождение воевод, их родственные связи, характер правления в Киеве, личные контакты внутри Киевской земли и в соседних украинских землях.

Ключевые слова: Киев, воеводы, наместники, правление

Article is devoted to studying of a social context of appointments to the post and boards of the Kiev deputies/voivodes of the second half of the 15th – the beginning of the 16th centuries: motives of appointment, being guided with which candidates for a position, an origin of voivodes, their related communications, character of board in Kiev, personal contacts in the Kiev earth and in the neighboring Ukrainian lands were selected.

Key words: Kiev, governor of province [«voivode»], deputies, governing.

Тема статті – литовские вельможи, по поручению великого князя литовского управлявшие важнейшей землей «Литовской Руси» – Киевом. Осознание значения этой земли вельможами Велико-го Княжества Литовского (далее – ВКЛ) хорошо отражено в одном из документов Панской рады от 1526 г. В нем, обсуждая идею создания «Литовского Королевства», Киев назван «воротами всего панства»¹. Не будем здесь анализировать конкретную деятельность киевских вое-

---

¹ Акты, относящиеся к истории Западной России. – Санкт-Петербург, 1848. – Т. 2. – С. 173.

вод². Также не будем углубляться в историю «литовских княжеских династий Киева» конца XIV – середины XV в. – Олельковичей и Гольшанских. Елена Русина убедительно представила роль правления этих родов для континуитета Киевского княжества, и эта роль была вполне осознана современниками, занесших имена этих князей в Киево-Печерский помянник как «князей наших великих»³. Нас интересует прежде всего вопросы социального контекста назначений на должность и правления киевских наместников/воевод второй половины XV – начала XVI вв.: мотивы назначения, руководствуясь которыми подбирались кандидаты на должность, происхождение воевод, их родственные связи, характер правления в Киеве, личные контакты внутри Киевской земли и в соседних украинских землях⁴. Для сравнения приводятся данные о других урядниках литовского происхождения на Украине (в первую очередь, в Луцке).

Первым назначением наместником Киева литовского вельможи не княжеского происхождения был эпизод, скорее всего, связан с возросшей политической активностью Витовта и Ягайлы после Грюнвальдской битвы. Примерно в 1410/1411 гг. должность киевского наместника короткое время занимал один из влиятельнейших вельмож великого князя Витовта Георгий Гедигольд⁵, брат виленского старосты и воеводы Альберта Монивида. Как раз к тому времени завязались более активные контакты Витовта с римским и венгерским королем Сигизмундом Люксембургским. Как вскоре оказалось, Георгий Гедигольд сыграл главную роль в поддержании этих связей между монархами. В 1411 г. он, уже будучи подольским старостой (1411–1423), был послан к Сигизмунду в Венгрию, а чуть позже, в 1416 г. представлял интересы Витовта на церковном соборе

² О ней: *Pulaski K.* Wojewodowie kijowscy w wieku XV i XVI // *Przewodnik naukowy i literacki.* – 1876. – Т. 4. – S. 621–642. Также см. *Клепатский П.* Очерки по истории Киевской земли (литовский период). – Одесса, 1912; *Вацук Д.* «Абыхмо деръжали ихъ подле права ихъ земљи». Населення Київщини та Волині і великокнязівська влада в XV–XVI ст. – Київ, 2009; *Jankauskas K.* Kijevo žemės statutas Lietuvos didžiojo Kunigaikštystėje // *Darbai ir dienos.* – 2005 – Т. 44. – P. 81–104.

³ *Русина О.* Студії з історії Києва та київської землі. – Київ, 2005. – С. 73–99 (цитата – с. 88).

⁴ *Яковенко Н.* Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII століття (Волинь і Центральна Україна). – Київ, 1993; *Однороженко О.* Українська руська еліта доби середньовіччя і раннього модерну. Структура та влада. – Київ, 2011.

⁵ *Petrauskas R.* Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje – XV a.: sudėtis – struktūra – valdžia. – Vilnius, 2003. – P. 231–232.

в Констанце⁶. В Подоли⁷ Гедигольд задержался надолго – еще в 1421 г. он здесь роскошно принял бургундского рыцаря и посла короля Англии Жильбера да Лануа⁸. Как результат возрастающей роли Сигизмунда в политике региона и необходимости собирать и оценивать с этой деятельностью связанную информацию можно расценивать и тот факт, что в Кременецкий замок Витовт в это же время послал своего опытного секретаря и писаря немца Конрада Франкенберга⁹.

И все-таки назначение Гедигольда было коротким эпизодом. Следующий литовский вельможа в Киеве появился только спустя больше полвека. Этот факт говорит об исключительном положении Киева среди других земель Литовской Руси – назначение литовских вельмож на должность наместника в Полоцке, Витебске, Смоленске и т. д. к тому времени уже было привычным явлением. И только после смерти князя Семена Олельковича в 1470 г. Казимир Ягайлович решился на упразднение последнего из крупнейших на территории страны удельного Киевского княжества (за исключением более мелких пограничных княжеств). Выполнение этой политически сложной задачи в 1471 г. было поручено представителю знатного литовского рода Мартину Гаштольду¹⁰. Задачу усложняло привязанность киевлян к традиции княжеского правления, как в символическом значении, так и потому, что от князя можно было получить новые пожалования. Не менее важным был и конфессиональный барьер: новый киевский воевода, католик, появился в духовном центре православных ВКЛ. Поэтому информацию Яна Длугоша о сложностях, с которыми столкнулся Гаштольд, следует считать достоверной¹¹. Правда, имело место и благоприятное обстоятельство, которое наверно и повлияло на персональное решение Казимира. На представительнице православного кня-

⁶ Dokumenty polskie z archiwów dawnego królestwa Węgier / wyd. S. A. Sroka. – Kraków, 1998. – Т. 1. – S. 55, 57; *Piekosiński F.* Goście polscy na soborze konstancyjskim // *Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział historyczno-filozoficzny. Serya II.* – 1899. – Т. 12. – S. 148.

⁷ Следует отметить, что во времена Витовта в Подоли правили несколько литовских вельмож: Георгий Гедигольд, Петр Монтигирдович, Ян Довгирд (*Petrauskas R.* *Lietuvos diduomenė.* – P. 319).

⁸ *Klimas P.* Ghillebert de Lannoy. Dvi jo kelionės Lietuvon Vytauto Didžiojo laikais (1413–1414 ir 1421 metais). – Kaunas, 1931. – P. 65–66.

⁹ Полное собрание русских летописей. Т. 35: Летописи белорусско-литовские. – Москва, 1980. – С. 73–74. В историографии этот перенос связывается с якобы «антинемецкой» политикой Витовта после Грюнвальдской битвы, из-за которой Франкенберг был «сослан» в далекий Кременей. Несостоятельность такой тезы показывает уже то, что еще в 1413 г. Конрад отстаивал интересы Витовта и его жены Анны в споре с Немецким орденом.

¹⁰ *Petrauskas R.* *Lietuvos diduomenė.* – P. 243.

¹¹ *Długosii Joannis Historiae Polonicae / ed. A. Przewdziecki.* – Cracoviae, 1878. – Т. 5. – P. 547.

жеского рода Гольшанских Anne женат Мартин Гаштольд¹² мог заручиться поддержкой по крайней мере части местной элиты, а благодаря вероисповеданию жены не был таким уж чужим среди православных. Не менее важным был и своеобразный «континуитет»: сестра Гаштольда Мария была замужем за его предшественником в Киеве Семеном Олелковичем, так что Гаштольд мог похвастаться очень близкими отношениями с обеими княжескими родами Киева. Несмотря на первоначальные сложности, Гаштольд быстро утвердился в Киеве. Свою киевскую резиденцию он превратил в важный региональный политический центр, в котором перекрещивались разные направления внешней политики и экономики ВКЛ. Гостями здесь были представители генуэзской причерноморской коллонии в Кафе¹³, посланники татарских орд, Москвы, Венеции. Личные дружеские узы связывали Гаштольда с бискупом Кафы Николаем¹⁴. Об этих связях и о доверии киевским воеводой говорит тот факт, что на кануне падения Кафы из этого города Гаштольду была передана крупная сумма денег¹⁵. В этой политике был задействован и брат Гаштольда виленский препозит Георгий, который участвовал в посольстве Казимира в Венецию, а также бывал в Киеве¹⁶. К сожалению, лаконичность источников не позволяют на исчерпывающий обзор десятилетней деятельности Гаштольда в Киеве. Но можно уже заранее констатировать, что времена Гаштольда (1471–1480) были исключительными по своим политическим масштабам среди всех киевских воевод этого периода. Не маловажную роль в этом сыграла личность и связи воеводы.

С первого взгляда менее понятным является назначение приемника Гаштольда на должность киевского воеводы Ивана Ходкевича (1480–1483). Его киевское происхождение в новейшей литературе уже убедительно

¹² Pietkiewicz K. Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. – Poznań, 1995. – S. 87.

¹³ Ambrogio Contarini Viaggio in Persia, Барбаро и Контарини о России. – Ленинград, 1971. – С. 3.

¹⁴ Quirini-Popławska D. Z powiązań Polski z Kaffą, kolonią genueńską na Krymie w drugiej połowie XV wieku // Cracovia – Polonia – Europa. Studia z dziejów średniowiecza ofiarowane Jerzemu Wyrozumskiemu w 65-rocznicę urodzin i 40-lecie pracy naukowej. – Kraków, 1995. – S. 559. Можно сослаться и на Хронику Быховца, в которой описывается прибытие бискупа Кафы в гостях у Гаштольда в Киеве во время падения Кафы (Полное собрание русских летописей. Т. 32: Хроники: Литовская и Жомойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. – Москва, 1975. – С. 163).

¹⁵ Сборник русского императорского исторического общества. – С.-Петербург, 1884. – Т. 41. – С. 172. За ссылку на этот документ благодарю Владислава Безпалько.

¹⁶ Semkowicz W. O litewskich rodach bojarskich zbratanych ze szlachtą polską w Horodle r. 1413 // Rocznik towarzystwa heraldycznego. – 1921–1923. – Т. 6. – С. 123. Контарини ошибочно называет его бискупом (Ambrogio Contarini Viaggio in Persia. – С. 3).

опровергнуто¹⁷. Однако и эта номинация объяснима родственными связями Ходкевича – он был женат на дочери князя Ивана Владимировича (Белского) Агнешке¹⁸, которая приходилась близкой родственницей Олелковичам. Судя по всему, это назначение в Киев подготавливалось заранее – сначала в 1478 г. Ходкевич был назначен луцким старостой. После смерти Ходкевича в татарском плену (1483) новым киевским воеводой стал Георгий Пацевич¹⁹ (1486–1492) – второй воевода католик на должности после Гаштольда. К сожалению, неизвестно происхождение его жены Анастасии, хотя имя позволяет выдвигать гипотезу о ее принадлежности к православному княжескому роду. В свою очередь, сын Пацевича Миколай женился на дочери князя Александра Юрьевича Гольшанского Александре²⁰.

После того, как Георгия Пацевича переместили в Новгородок, следующими двумя киевскими воеводами были православные князья: Дмитрий Путятич (1492–1505) и Иван Глинский (1505–1506). Здесь только отмечу, что этих два рода связывали личные дружеские отношения, поскольку перед смертью Дмитрий Путятич поручил опеку своими владениями брату Ивана Глинского Михаилу, который также позаботился о его церковной памяти²¹.

После «детронизации» Глинских воеводой в Киеве в 1507–1508 гг. был Георгий Михайлович Мантовт. Он происходил из рода, который уже проявил себя на украинских землях ВКЛ. Его отец Михаил Мантовтович²² был одним из первых литовских вельмож, назначенных на «украинский» уряд: в 1463–1477 гг. он был луцким старостой. Род Мантовтов (герба Топор) свои патримониальные владения имел в Литве (в Солечниках, неподалеку от Вильнюса)²³, однако, благодаря карьере Михаила Мантовтовича представители рода постепенно утвердились и на украинских землях. И в случае Георгия Мантовта его приход в Киев тоже был подготовлен заранее коротким пребыванием на менее значимом посту кременецкого наместника (1505/1506²⁴, может быть еще раньше, поскольку его

¹⁷ *Kirkienė G.* Korzenia rodu Chodkiewiczów // *Białoruskie zeszyty historyczne.* – 2002. – Т. 17. – С. 34–56.

¹⁸ *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. – Warszawa, 1895. – S. 4.

¹⁹ *Petrauskas R.* Lietuvos diduomenė. – P. 281.

²⁰ *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy. – S. 101–102.

²¹ Lietuvos Metrika. Užrašymų knyga 6 // par. A. Baliulis. – Vilnius, 2007. – P. 63–64.

²² *Petrauskas R.* Lietuvos diduomenė. – P. 262–263.

²³ Там же. – P. 113, 262.

²⁴ *Pietkiewicz K.* Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. – S. 215.

предшественник в Кременеце последний раз в источниках упоминается в 1502 г.). Кстати, в Кременеце его сменил брат Якуб Михайлович Мантовт, который там действовал до 1527 г.

В 1508 г. в Киев на короткое время возвратились Гольшанские – тогда воеводой стал сын князя Александра Гольшанского Юрий. В этой связи следует отметить, что сыновья влиятельного князя с середины XV в. Юрия Семеновича Гольшанского уже не довольствовались традиционным княжеским положением и стали делать служебную карьеру, что до этого среди князей высокого происхождения не было распространенным явлением. Поколение Александра Гольшанского на рубеже XV и XVI вв. своим положением окончательно приблизилось к вельможам ВКЛ, хотя княжеский титул еще некоторое время и давал им преимущество в ранге²⁵. И в этом случае не знаем имени первой жены Александра Гольшанского и матери будущего киевского воеводы Юрия, однако на континуитет при назначении на эту должность указывало то, что Александр Гольшанский был свояком Мартина Гаштольда (жена Гаштольда Анна была сестрой Александра). Не мало важно было и обстоятельство, что дядя Юрия Александровича Гольшанского Семен Юрьевич был луцким старостой и маршалком Волынской земли (1491–1499, 1501–1505)²⁶.

Следующим киевским воеводой (1511–1514) был представитель знатного, но в этих краях до тех пор мало заметного рода Георгий Николаевич Радзивилл²⁷. На это назначение, наверное, повлияла не только протекция его влиятельного отца канцлера ВКЛ и виленского воеводы Николая Николаевича Радзивилла, но и уже проявившиеся способности юного Радзивилла в войнах с Москвой и татарами. Свои способности «новоиспеченный» киевский воевода как раз мог продемонстрировать уже в следующем году (1512) в битве с татарами под Вишневецом. Мотивы военного характера скорее всего сыграли свою роль и при назначении (1514) следующего воеводы Андрея Немировича²⁸, происходившего из рода, который до тех пор тоже не дал не одного урядника украинского.

Особого внимания заслуживает история рода Юршов²⁹ – этот род только отчасти связан с Киевом, но на Украине действовал очень активно. В 1429 г. в окружении великого князя Витовта появился Юрша Ивановичь,

²⁵ Там же. – С. 86–88.

²⁶ Там же. – С. 208.

²⁷ *Błaszczuk G. Radziwiłł Jerzy Mikołajewicz* // *Polski słownik biograficzny*. – Wrocław i in., 1987. – Т. 30. – С. 226.

²⁸ *Alexandrowicz S. Niemirowicz Andrzej* // *Polski słownik biograficzny*. – Wrocław i in., 1977. – Т. 22. – С. 803–808. До этого был старостой черкасским (с 1511 г.).

²⁹ *Petrauskas R. Lietuvos diduomenė*. – P. 248–249.

о происхождении и родственных связях которого данных не имеем. То, что он как луцкий староста упоминается с 1429 г., позволяет предполагать, что назначение было связано с проходившим в том же году луцким съездом. Юрша прославился в 1430–1431 гг., когда успешно руководил обороной Луцка во время конфликта с Польшей из-за Волыни и Подоли. Преданный сторонник Свидригайлы (в 1436–1438 гг. был его воеводой в Киеве), впоследствии смирился с новым государем Казимиром, получил от него пространные владения на Украине³⁰, а свою служебную карьеру продолжил как староста Кременеца (1442) и Брацлава (1448–1451)³¹. В 1445 г. был одним из вождей литовского войска в войне с Москвой³². В письме от 29.02.1436 г. магистру Тевтонского ордена, писаном как раз в Киеве³³, Свидригайло называет его *magnificus et strenuus miles*, т. е. «паном и посвященным рыцарем», что указывает на связи Юрши с западной рыцарской культурой, которая в то время распространялась среди вельмож ВКЛ. С другой стороны, его дети уже утвердились на Украине и с этого времени могут обоснованно рассцениваться как «украинский» род. Сын Иван Юрша был господарским маршалком и владимирским старостой (1488–1489), дочь Федка была выдана замуж за князя Степанского, а после его смерти стала женой влиятельного волынского вельможи Олизара Шиловича (1461–1486 – маршалок Волынской земли, 1461–1479 – владимирский староста, 1480–1486 – луцкий староста)³⁴.

В этом контексте можно отметить представителя еще одного знатного литовского рода, оставившего след на украинских землях в конце XV в. Это был Петр Янович Монтигирдович³⁵, внук Петра Монтигирдовича (за времена Витовта бывшего старостой подольским), занимавший должности луцкого старосты и маршалка Волынской земли в 1486–1489 гг. после смерти Олизара Шиловича. Монтигирды имели твердые позиции в литовской правящей элите со времен Ягайлы и Витовта, их главные имения простирались в Ошмянском повете (Ивия, Лоск), а в Волынь Петра Яновича Монтигирдовича скорее всего подтолкнуло происхождение его вто-

³⁰ Halecki O. Ostatnie lata Świdrygiełły i sprawa wołyńska za Kazimierza Jagiellończyka. – Kraków, 1915. – S. 38–39.

³¹ Petrauskas R. Lietuvos diduomenė. – P. 248.

³² Полное собрание русских летописей. Т. 23: Ермолинская летопись. – С.-Петербург, 1910. – С. 151.

³³ Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (Berlin). – OBA 7156 (*magnificus et strenuus milites nostros Gyrssonem pallatinum nostrum Kyowiensem et Nemiram*).

³⁴ Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie / wyd. Z. L. Radziszewski i in. – Lwów, 1887. – Т. 1. – S. 87, 141–142; Яковенко Н. Українська шляхта. – С. 136; Petrauskas R. Lietuvos diduomenė. – P. 249, 302–303.

³⁵ Pietkiewicz K. Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. – S. 88–90; Petrauskas R. Lietuvos diduomenė. – P. 261–262.

рой жены Анны – она была дочерью вышеупомянутого князя Александра Гольшанского.

Переходя к анализу прозопографических данных о карьере и жизни литовских вельмож на украинских землях, бросается в глаза обстоятельство, что очень редки брачные союзы между литовскими и украинскими родами. Одним из редких исключений был брак владимирского старосты Ивана Юрши с дочерью жомойтского старосты Яна Кезгайловича³⁶. Обе дочери с этого брака после смерти отца остались под опекой деда (Яна Кезгайловича) и были выданы замуж за представителей литовской знати (Людмила за Георгия Яновича Заберезинского, а другая, имя которой не известно, за его двоюродного брата Петра Олехновича), которые впоследствии и поделили юршинские владения на Волыни³⁷. Возникновению таких родственных связей конфессиональный барьер препятствовал только отчасти. В принципе XV в. свойственна «региональная эндогамия» – браки между представителями различных регионов Великого Княжества встречаются крайне редко. То же самое можно сказать и о браках между представителями литовской и польской знати – до конца XV в. польско-литовские браки тоже еще редкое явление³⁸. Побочным явлением такой замкнутости было то, что до начала XVI в. вельможи украинского происхождения отсутствуют среди элиты центральных земель Великого Княжества. Только в 1495–1496 гг. берестейским старостой короткое время был Семен Олизарович³⁹, сын упомянутого украинского вельможи Олизара Шиловича. В начале XVI в. среди лиц, руководящих группой персонала (*puerorum procurator*) двора великого князя Александра Ягайловича, встречаем Петра Кердея⁴⁰; и только позже, уже в XVI в., к знати ВКЛ примкнули представители украинских родов Боговитиновичей и Горностаев⁴¹.

³⁶ Акты Литовской метрики / собр. Ф. И. Леонтович. – Варшава, 1896. – Т. 1. – С. 163.

³⁷ *Pietkiewicz K.* Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. – S. 92. Потомки Петра Олехновича («Кухмистровичи») имели владения и в Киеве, наверное, наследие Юрши (*Źródła do dziejów polskich.* – Wilno, 1844. – Т. 2. – S. 121).

³⁸ *Petrauskas R.* Lenkijos–Lietuvos unija ir lenkų–lietuvių diduomenės ryšiai: realios unijos link // *Lietuvių-lenkų santykiai amžių tekėje. Istorinė atmintis / Stosunki polsko-litewskie na przestrzeni wieków. Pamięć historyczna.* – Vilnius, 2009. – P. 60–75.

³⁹ *Pietkiewicz K.* Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. – S. 209.

⁴⁰ *Lietuvos didžiojo kunigaikščio Aleksandro Jogailaičio dvaro sąskaitų knygos (1494–1504) / par. D. Antanavičius, R. Petrauskas.* – Vilnius, 2007. – P. XVIII, 16, 40, 42, 270.

⁴¹ *Яковенко Н.* Українська шляхта. – С. 136–137, 159; *Собчук В.* Боговитиновичі: генеалогія і маєтки // *До джерел. Збірник наукових праць на пошану Олега Купчинського.* – Київ-Львів, 2004. – Т. 1. – С. 498–537.

С середины XV в. произошли изменения в практике резидирования государя – великий князь стал отказываться от обычая самоличного посещения («объезда») государства. В связи с этим он перестал приезжать и в Киев. За свои долгие годы правления Киев ни разу не посетил Казимир (хотя в начале правления он еще практиковал традицию объездов), как и его сын Александр⁴². Это обстоятельство толкнуло воевод на большую самостоятельность и новые инициативы в Киеве. Уже в первые годы на должности воеводы Мартин Гаштольд обосновал в Киеве свою резиденцию – двор воеводы, который вскоре превратился в важный политический центр региона, церемониал которого описан венецианским послом Амброджо Контарини⁴³. Этот церемониал имитировал обряды великокняжеского двора: почетных гостей встречали посланные воеводой дворяне (*gentilhuomini*), которые проважали их до замка, где ждал прием у воеводы. Во время приема стороны обменивались поздравительными речами и дарами. Литовский вельможа встречал гостей в окружении местных бояр и дворян, упоминаются даже музыканты.

Среди инициатив литовских панов в Киеве прежде всего стоит отметить их ангажированность в дела церковной унии. Мартин Гаштольд пригласил в Киев монахов бернардинов, которые активно действовали в этом направлении⁴⁴. Похоже, что примеру Гаштольда следовал и Георгий Пачевич. Оставив Киев, он сохранил связи с киевскими боярами, о чем свидетельствует его паломничество в 1495 г. в Рим с женой, сыном и группой киевских священников и бояр. Во время этой поездки они записались в братство Св. Духа в Риме⁴⁵. Некоторую роль бояр-католиков в Киеве косвенно подтверждает с этим паломничеством наверное связана история подляшского боярина Николая Куната, который когда-то служил в Киеве.

⁴² *Jaworski R.* Dwór litewski Kazimierza Jagiellończyka (1440-1492). Rozprawa doktorska. – Uniwersytet Warszawski, 2004. – Aneks. – S. 4–25 (итинерарй Казимира); *Neuman M., Pietkiewicz K.* Lietuvos didžiojo kunigaikščio ir Lenkijos karaliaus Aleksandro Jogailaičio itinerariumas (1492 m. birželis – 1506 m. rugpjūtis) // Lietuvos istorijos metraštis 1995. – Vilnius, 1996. – P. 154–240 (итинерарй Александра). О изменениях в в практике резидирования государя: *Petrauskas R.* Nuo Vytauto iki Aleksandro Jogailaičio: didžiojo Lietuvos kunigaikščio dvaro tęstinumo problema // Lietuvos didysis kunigaikštis Aleksandras ir jo epocha. – Vilnius, 2007. – P. 47–55.

⁴³ Ambrogio Contarini *Viaggio in Persia*. – Cap. 3.

⁴⁴ *Memoriale Ordinis Fratrum minorum a fr. Ioanne de Komorowo compilatum* // *Monumenta Poloniae Historica*. Lwów, 1888. – T. 5. – P. 224–225.

⁴⁵ *Schäfer K. H.* Die deutschen Mitglieder der Heiliggeist-Bruderschaft zu Rom am Ausgang des Mittelalters. – Paderborn, 1913. – S. 43; *Wiesiołowski J.* Pielgrzymowanie Polaków do Rzymu na przełomie XV i XVI wieku (1478–1526) // *Peregrinationes. Pielgrzymki w kulturze dawnej Europy* / red. H. Manikowska, H. Zaremska. – Warszawa, 1995. – S. 163.

В 1495/1496 г. он отправился в Рим после 12-летнего плена у татар⁴⁶, в который он попал, скорее всего, вместе с Иваном Ходкевичом.

Важность должности заставляло киевских воевод постоянно резидировать в Киеве, при этом от вотчинных владений их отделяло большое расстояние. По этим причинам киевские воеводы, в отличие от других великокняжеских наместников на Руси, редко встречаются в непосредственном окружении государя (редко упоминаются среди свидетелей государских документов). Должность в Киеве ограничивала их возможности играть более весомую роль в политике ВКЛ. Так во времена воеводы Мартина Гаштольда среди лиц, руководивших политикой Панов Рады (имена которых встречаем, например, как сигнатаров посланий Немецкому Ордену⁴⁷), находим наместников Полоцка, Витебска, Смоленска, но ни разу Киева, хотя выше упомянутые должности занимали люди не столь высокого происхождения как Гаштольд. Мало заметны и следы их активной деятельности на вотчинных владениях в Литве. Исключение здесь составляет разве только что Мартин Гаштольд, который в 1479 г. обосновал монастырь бернардинов в Тикоцине, а несколько раньше, в 1471 г. фундовал олтарь в родном костеле Девенишек (этот костел еще раз посетил и одарил в 1474 г.)⁴⁸.

Особого пояснения заслуживает частая смена киевских воевод в начале XVI в. В течении 9 лет (1505–1514) сменилось аж четверо. И только потом вновь настал период долгого правления Андрея Немировича (1514–1540). Трудно сказать, была ли эта ротация последствием постепенной утраты политической значимости Киева. В любом случае представители самых знатных родов Великого Княжества появляются в Киеве все реже, и если появляются, то не надолго. Среди воевод Киева не обнаруживается тенденция прямого наследования урядом (например от отца к сыну или от дяди к племяннику). Такие неформальные «поколения» воевод можно наблюдать в иных местах ВКЛ. Судя по всему, литовские вельможи смотрели на свою деятельность в Киеве как на временный

⁴⁶ *Abraham W.* Sprawozdanie z poszukiwań w archiwach i bibliotekach rzymskich do dziejów Polski w wiekach średnich za lata 1899–1913 // Archiwum Komisji historycznej. – Kraków, 1923. – Ser. 2. – T. 1(13). – S. 10. См. также *Starnawska M.* Mikołaj z Wyrozębów – obrońca Kijowa przed Tatarami i jego suplika do papieża o przekazanie relikwii z 1496 roku // *Między Polską a Rusią* / red. M. Starnawska. – Siedlce, 2004. – S. 51–62; *Jaszczołt T.* Fundacje kościelne na Polasiu do końca XV wieku // *Kościół a państwo na pograniczu polsko-litewsko-białoruskim. Źródła i stan badań.* – Białystok, 2005. – S. 29.

⁴⁷ Например: *Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz* (Berlin). – OBA 16338 (1472), 16362 (1472), 16512 (1474).

⁴⁸ *Petrauskas R.* Didikas ir patronas: LDK bažnytinės fundacijos XV a. // *Šviesa ir šešėliai Lietuvos evangelizacijos istorijoje.* – Vilnius, 2011. – P. 167, 179.

этап в их карьере и не связывали будущее свое и своих близких с этой землей. Из всех потомков воевод литовского происхождения только Ольбрахт Гаштольд (сын Мартина) имел владения в Киеве⁴⁹.

Резюмируя можно констатировать, что назначение на должность киевского воеводы в первую очередь зависело от доверия правителя – так все воеводы, прибывшие в Киев из Литвы были непосредственно связаны с великокняжеским двором⁵⁰: Мартин Гаштольд, Ян Ходкевич и Георгий Мантовт раньше были дворянами Казимира Ягайловича⁵¹, Георгий Пацевич был маршалок господарский, а Георгий Радзивилл подचाший⁵². Но доверие государя не было единственным критерием – немало важную роль играли и личные (родственные) связи вельмож. Практически все случаи подбора кандидатов объясняются их происхождением и личными связями. Сочетание двух принципов – право великого князя назначать урядников и неформальное влияние на это оказывающее понятие о круге «годных к должности» – свойственно и назначению других урядников ВКЛ⁵³. Только с второго десятилетия XVI в. можно наблюдать назначения, которые объясняются личными качествами – прежде всего военными способностями и опытом – нового урядника (Георгий Радзивилл и в еще большей степени Андрей Немирович). Личные связи претендента на должность с родом предшественника были важной предпосылкой для успешного утверждения в должности. Знакомства и связи с местной элитой оставались актуальным фактором «заблаговременной подготовки» для всех лиц, прибывающих на Украину из далекой Литвы. Анализ личных связей показывает также довольно медленно протекающую внутреннюю интеграцию земель ВКЛ. И все же личные контакты, знакомства, родство были теми факторами, которые влияли на консолидацию политического сообщества, хотя автору Киевского Синоп-

⁴⁹ Źródła do dziejów polskich. – Wilno, 1844. – Т. 2. – S. 121 (1520). Не известно, каким путем он их приобрел.

⁵⁰ Об этой институции: *Petrauskas R.* Kształtowanie się instytucji dworu wielkoksiążęcego w Wielkim Księstwie Litewskim (koniec XIV – połowa XV wieku) // *Politeja. Pismo wydziału studiów międzynarodowych i politycznych Uniwersytetu Jagiellońskiego*. Т. 16/2: *Studia litewskie*. – Kraków, 2011. – S. 155–185.

⁵¹ *Petrauskas R.* Lietuvos diduomenė. – P. 191, 193; *Pietkiewicz K.* Dwór litewski wielkiego księcia Aleksandra Jagiellończyka (1492–1506) // *Lietuvos valstybė XII–XVIII a.* – Vilnius, 1997 – S. 105.

⁵² *Urzednicy centralni i dostojnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku. Spisy // oprac. H. Lulewicz, A. Rachuba.* – Kórnik, 1994. – S. 84, 143.

⁵³ *Petrauskas R.* Ponas savo žemėje: Lietuvos pareigūnai XIV a. Pabaigoje – XV amžiuje // *Lietuvos istorijos metraštis 2001/1.* – Vilnius, 2002. – P. 9–30.

сиса XVII в. назначение Мартина Гаштольда и дальше оставалось «наказанием Божиим»⁵⁴.

Rymvidas Petrauskas

Between Vilnius and Kiev: the Lithuanian grandees at the head of the Kiev land in the 15th – at the beginning of the 16th century.

The subject of the article is the Lithuanian grandees, who ruled over the major land «Lithuanian Rus'» – Kiev on behalf of the request of the grand duke of Lithuania. In the first part of the article we analyzed motives, being guided with which candidates for a position of the Kiev deputy/voivode were selected. The second part is devoted to a social context of appointments of the Kiev voivodes of the second half of the 15th – the beginning of the 16th centuries (an origin of voivodes, their related communications, and contacts in the Kiev land and in the neighboring Ukrainian lands). For comparison data on other officials [«uryadnik»] of the Lithuanian origin in Ukraine are provided. From the middle of the 15th century there were changes in practice of the sovereign's residence finding – he began to refuse custom of personal visit («detour») of the state.

In connection with this he ceased to come to Kiev, and this circumstance pushed voivodes on greater independence and new initiatives in Kiev. Already at the very beginning of the board Martin Gashtold proved in Kiev the residence – a yard of the voivode which soon turned into the important political center of the region which ceremonial is described by the Venetian ambassador Ambrogio Kontarini. Importance of a position and long distance from patrimonial possession forced the Kiev's voivodes constantly had residence in Kiev. For this reason the Kiev's voivodes are seldom mentioned among witnesses of grand-ducal documents. As well in patrimonial possession in Lithuania traces of their vigorous activity too are a little noticeable. Tracing pits and life of the Lithuanian grandees on the Ukrainian lands, that the marriage alliances between the Lithuanian and Ukrainian families were very seldom concluded is evident.

Marriage of Lutsk head Ivan Yursha with the daughter of Zhomoytoya head Jan Kezgaylovich was one of rare exeption. The confessional barrier only partly interfered with establishment of such related communications. «The regional endogamy» is peculiar to the 15th century in principle – marriages between representatives of various regions of the Grand Duchy meet extremely

⁵⁴ Русина О. Студії з історії Києва та київської землі. – С. 73.

seldom. Appointment to the post of the Kiev voivode first of all depended on trust of the governor. But the trust of the sovereign wasn't the only criterion – much important role was played also by personal (related) contact of grandees. Practically all cases of selection of candidates are explained by their origin and a personal contact. The combination of two principles – the right of the grand duke to appoint uryadnik and informal influence on this rendering concept about a circle «suitable for a position» – is peculiar also to purpose of other uryadnik of Grand Duchy of Lithuania.